

АННА ЕСУНА

TOTAL

ДВА
ЗВЕЗДЫ

ДЛЯ ЛЮБИМЫХ

Анна Есина

Тотал: Два зверя для Лилии

<https://litres.ru/74205419>

Аннотация

Из серой офисной мышки Лиля за несколько дней превращается в бравого администратора бара "Тотал". В начальниках у нее несносный вервульф, а обаятельный оборотень-тигр отчаянно набивается в ухажеры. К тому же в качестве фамильяра ей достается лиса-выпивоха, которая обожает сквернословить и отличается дрянным характером.

В тексте вы найдёте:

Жаркие сцены;

Эпичные схватки оборотней;

Абсурдные диалоги с лисой, которая всё знает лучше всех;

Сюжет, от которого невозможно оторваться.

Открывайте первую главу и помните, полнолуние совсем скоро!

Главы выходят ежедневно в 17.00 по МСК

Содержание

Глава 1	4
А вот и герои	15
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	36
Глава 5	47
Глава 6	58
Глава 7	69
Глава 8	78
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Глава 1

В которой объявляются кредиторы, на горизонте маячат призрак бывшего парня и вполне телесный дух постылой разлучницы, долги множатся, как грибы после дождя, мать донимает звонками, а вишенкой на торте служит рычащий голос незнакомца

Сообщение во ВКонтакте:

«Уважаемый клиент,

Обращаем ваше внимание, что по вашему кредитному договору № 785432 от 12.05.2025 г. образовалась задолженность в размере 284 650 #.

Последний платёж был внесён 15.01.2026. Просрочка составляет 45 дней.

⚠️# Уведомляем: в случае непогашения задолженности в течение 10 дней с момента получения данного сообщения, информация может быть передана в службу взыскания.

Для уточнения деталей и погашения задолженности перейдите в личный кабинет: [ссылка на сайт банка]

Отдел сопровождения клиентов – Банк «Созвездие»

Какое добренькое утро! Удаляю письмо, даже не пролистав до конца. Хочется выть от безысходности.

Не успеваю погасить экран на телефоне, как всплывает уведомление от Госуслуг. Обожаю эру цифровизации и добровольного рабства.

«Уведомление от кредитной организации

Получено: 22.03.2026, 08:32

Отправитель: ПАО «Банк Созвездие»

Получатель: Ефремова Лилия Вадимовна, СНИЛС:
123-456-789 01

На основании договора потребительского кредита...»

И далее по списку. Эти, прости господи, госуслуги, не гнушаются напомнить, что согласно ст. 314 и ст. 819 Гражданского кодекса РФ, я должна исполнить обязательства по возврату кредита и уплате процентов. А ещё рекомендуют погасить задолженность до 01.04.2026 включительно, чтобы избежать передачи дела в службу взыскания и возможного обращения в суд.

На следующее сообщение в мессенджере я уже рычу.

«Банк «Созвездие» — Важное уведомление

Приветствуем, Лилия!

У вас есть непогашённый кредит: *(без сопливых – скользко!)*

Сумма задолженности: 284 650

Просрочка...»

Чувствую, что если вездесущий банк пришлёт мне ещё хотя бы одно упоминание, к долгу под три сотни тысяч целковых добавится энная сумма на покупку нового телефона – этот я к чертям пошинкую в шрепере.

Но разве неприятности приходят по одиночке? Нет, разумеется, нет. Они таскаются целыми табунами!

Вот сейчас, например, мимо моего стола дефилирует цаца из отдела маркетинга. Кремовый костюмчик, узенькая юбочка, фигурка скрипочка, мордочка курносая, губки наливные, волосики блестят – цокает каблучками, а у меня левое веко подёргивается конвульсивно. Потому что Алечка, курва этакая, пару месяцев назад увела у меня мужика!

Я застукала их прямо на рабочем месте, в миленьком кабинетике нашей офисной фифочки. Скандал, само собой, я устроила грандиозный. Навела падкой до чужих парней кракле марафет в лакированных лохмах, расколошматила ей монитор. Хотела её слащавой рожей принтер отполировать, но горе-любовничек – ага, который у нас оказался один на двоих, – не вовремя вмешался.

Ему, гаду из семейства всюду яйцекладущих, пришлось оттащить меня от Алечки. Честь и хвала многостаночнику, потому как он умудрялся это делать одной рукой, а второй придерживал спадающие портки.

На счастье, наш генеральный, тот ещё эстет, кстати, украсил стены офиса диковинными штуковинами: на втором эта-

же можно встретить маски племенных африканцев, обеденная зона оформлена гирляндами из искусственных цветов в духе гавайских ожерелий, а рядом с царством маркетинга у нас выставочная стена с доской для сёрфинга. Вот оттуда я и сорвала огромное двухметровое весло, да как втемяшила в голову ухажёру, что отныне он переведён в ранг бывших...

Короче, в тот памятный день я всласть отвела душу. Спроецировала злость и агрессию на всех виновников.

Жаль, мой запал довольно быстро иссяк. Со Стасиком мы разбежались. Он прихватил с собой свои манатки, моё истерзанное самолюбие и кредит на автомобиль. Последний, конечно же, улетучился вместе с новеньким китайским кроссовером. А мне достались оголённые нервы, попранная гордость и «новорождённый» кредит, который мы брали для оплаты двух путёвок в ОАЭ.

И всё бы ничего, если бы сразу после расставания на меня не свалилась новая напасть. В ходе недавней проверки вскрылась теневая схема одного из моих сослуживцев, а на документах стояла моя подпись.

В начале осени, примерно полгода назад, коллега Славик передал мне документы по страховому случаю: пожар в квартире. Я обнаружила в них массу несостыковок. Фото повреждений оказались с другого объекта, акт о причинах возгорания, составленный МЧС, был оформлен с ошибками и ещё кое-какие мелкие огрехи.

Славик, когда я указала ему на неточности, лишь отмах-

нулся.

– Лиль, да это обычное дело! Там выплата копеечная, самый дешёвый тариф взяли, скупердяи. Отдавай убыточникам (*т.е. в отдел урегулирования убытков, которые занимаются выплатами по страховым случаям*) и не заморачивайся!

Я обычно выполняю свою работу с дотошностью немецких бюрократов, но в тот раз... На меня столько всего навалилось. Болезненный разрыв отношений, необходимость ежедневно сталкиваться с разлучницей, дразги с роднёй из-за квартиры, которую бабушка отписала мне. Добавьте сюда весеннюю хандру, и получится лучший коктейль из безалаберности, помноженной на идиотизм.

Бумаги я подписала и передала в нужный кабинет. Внутренний аудит, хоть и с опозданием, но всё же вывел мутную схему на чистую воду.

Суд квалифицировал мои действия как злоупотребление служебными полномочиями. Славик к тому моменту благополучно уволился и переехал в другой город. Само собой, мои свидетельские показания он не подтвердил, наоборот, кричал в три горла, что ничего подобного не происходило в действительности. И на мне повис нехилый долг в размере той самой «копеечной» выплаты. Три миллиона рублей. Плюс оставшиеся 284 650 рублей за поездку на двоих в Дубай.

Чувствуется, правда, что мне по жизни везёт как утоплен-

нику?

Хорошо, что с работы не попёрли. Генеральный поверил моим словам о подленькой выходке Славика и разрешил выплачивать долг частями. Так что последние два месяца я существую на смехотворную сумму, а все премиальные, сверхурочные и львиную долю зарплаты приходится оставлять в бухгалтерии.

Так что рассчитывать с банком «Созвездие» мне нечем. С голоду бы не окочуриться в ближайшие пять лет, пока буду разгребать финансовые затруднения со знаком звёздочки.

Вздыхаю, посылаю мысленные эманации в сторону бесячей Алечки, чтобы облысела к тридцати и грудь обвисла до пупа, и довольно усмехаюсь, когда ухоженная кобылка запинаясь о провод и всей своей холёной мосей летит к полу. Состыковка происходит с визгливым ором. Натурально потираю руки.

Поднимается она отнюдь не грациозно. Вначале кое-как встаёт на четвереньки, хватается за руку Женьки, возле стола которого растянулась. С отвращением наблюдаю за тем, как ей на выручку бросается добрая половина оупен спейса, точнее все присутствующие мужики.

Матвей, наш айтишник, оттряхивает ей коленки. Костян, сисадмин, придерживает за локоток, пялится на бюст, но чинно вопрошает о самочувствии. Валерка, старший менеджер, предлагает водички и присесть. Тьфу, пропащее поколение подхалимов.

Отворачиваюсь к монитору, только Алечка снова привлекает моё внимание, когда внезапно поворачивается и пялится в мою сторону.

– Ты! Это всё ты подстроила! – цедит она злобно.

Мне недосуг ковыряться в её претензиях, так что наклоняюсь чуть вбок, прикладываю к губам средний палец и отправляю мымре воздушный поцелуй. Та аж звереет от ярости, сжимает кулаки, матерится. Пхах, не комильфо.

В остальном день проходит безрадостно. В обеденный перерыв звонит мамушка, и настроение падает до нулевой отметки.

– Лиль, у меня к тебе серьёзный разговор, – слышу вместо приветствия, когда принимаю пятый по счету вызов.

– Дай угадаю: снова поговорим о Лёне?

Это мой старший брат.

– Умница, дочь. Когда ты съедешь?

– Никогда. Мне некуда, мам. И ты не хуже...

– Что значит, некуда? Возвращайся к нам с отцом, мы всегда тебе рады! А у Ленёчки молодая семья, ребёнок на подходе, неужто ты допустишь, чтобы твой собственный племянник родился в облупленных стенах...

– Вообще-то сейчас рожают в роддоме, – перебиваю, потому что устала от однообразия материнских аргументов. Всегда одно и то же. Ленёчке нужнее. У него семья, у него слабое здоровье, у него неурядицы, у него нет постоянной работы. У него, у него, у него.

Сотню раз пыталась втолковать, что у Ленёчки банальная зажатость. Привык выезжать за счёт других людей. Всю жизнь мама вокруг него соломку стелет, и вообще всячески старается огородить от волнений, да ещё подключила к ухаживаниям невестку Олеську. И теперь они в две пары рук взбивают перинку для раскабаневшего братца-олуха.

– Лиля, что ты мелешь?! Зачем тебе одной трёхкомнатная квартира? А у них семья, ячейка общества... Если бы бабушка была жива, она непременно поддержала бы моё решение. Ленёчке нужнее...

Сил моих больше нет. Зажмуриваясь и отключая соединение. Хоть бы раз поинтересовалась, что происходит у **меня** в жизни!

По дороге домой ухожу глубоко в себя и цепляю наушники. В маршрутке не протолкнуться. С трудом втискиваюсь на вторую ступеньку, с усилием закрываю дверь и наваливаюсь на поручень. Выть охота от безысходности.

Когда-то я наивно полагала, что перипетии судьбы похожи на шкуру зебры: за чёрной полосой непременно следует белая. Ничего подобного. В моём случае имеет место безграничный отрезок темноты, а за ним хвост и полная жопа.

На остановке внутрь салона пытается залезть пробивная старушенция. Пассажиры вокруг меня свирепствуют, устраивают скандал с водителем. Гвалт стоит такой, что хочется выйти, махнуть на всё рукой и шлёпать по апрельским лужам пешкодрапом. Да только на мне прохудившиеся ботин-

ки, и эта прогулочка закончится соплями и больным горлом. А сие означает недельное отстранение от работы и затраты на лекарства. Могу я позволить себе такую роскошь? То-то и оно.

Смердящий потом мужик в не по сезону тёплом пуховике пихает бабульку в грудь и с матершиной захлопывает дверь «Газели».

В этот же миг плавный ручеёк мелодии у меня в ушах прерывается. Телефон издаёт характерное билинь, и я вздрагиваю от звука мужского голоса.

– ...В прошлый раз всё пошло по одному месту. Спрашивается, почему? – секундная заминка и говорящий рывкает, что есть мочи. – Да потому что ты нашёл халтурщика! Мне такие люди в стае не нужны. Замени этого пустозвона до следующего полнолуния.

Что за ерунда?! Откуда? Кто?

Выватываю телефон из кармана и с удивлением смотрю на экран. Мои наушники подключены к устройству с названием «Redmi Note 14 Pro», а у меня совсем другая модель. На экране блокировки находится оконце плеера, где отображается проигрываемая аудиозапись под названием «voice 056».

Не успеваю понять, что происходит, как стартует следующее аудио с номером 057 и всё тот же порывистый баритон снова вещает.

– Обсудим это с глазу на глаз. Сейчас я не в настроении.

Ты знаешь, как на меня влияет близость полнолуния.

Наступает тишина, в которой слышны отголоски ленивых интонаций. Меня пробирает до дрожи. Воображение невольно рисует брутального альфаца, крепкого, накачанного тестостероном под завязку. С квадратной челюстью, огромными жилистыми ручищами и недельной щетиной.

– Ахинею городишь! Мы не просто вляпались. Аш чуть не прикончил двух охотников. Одному отгрыз руку, второго изувечил. Он без тормозов, как и все тигры.

Молчание длится вечность. Я добавляю звук на максимум и едва не рычу от досады, когда меня пытаются вытеснить из маршрутки. Пропускаю всех желающих выйти. И бесцеремонно занимаю первое освободившееся место.

У окна сидит хорошенькая девица с пышной гривой смоляных кудрей. Яркий макияж, кричаще-розовые когти, которыми она тычет в экран смартфона. Краем глаза подглядываю за её движениями. И всё жду, когда же вновь заговорит этот тип со звериным порыванием.

– Я не сяду на цепь! – яростно припечатывает обладатель хищных интонаций. – Ни на одну ночь, ни даже на один час. И никто из моей стаи не согласится, так что заруби на своём тупорылятском носу: через три дня у меня на столе должны лежать координаты толкового зрителя. Не справишься, ответишь своей башкой. Всё, отбой.

Монолог обрывается на звуке глухого удара. Кажется, будто рассерженный босс не просто отпустил значок с изобра-

жением микрофона, а швырнул телефон в стену или конкретно приложил его кулаком.

А вот и герои

Лилия

Кай

Аш

Делитесь коммами, как вам мои красавчики?)

Глава 2

В которой в телефоне появляются новые голосовые от хищного незнакомца, а в полночь объявляется говорящая лиса по имени Хренснэг и требует свою порцию виски со льдом

Над смыслом загадочных голосовых посланий голову ломать не приходится. Итак ясно, что это отрывок из какой-то фэнтезийной истории об оборотнях. Но прочитано великолепно, с душой и той порцией харизмы, что заставляет переслушивать снова и снова. Чем я и занимаюсь, пока на скорую руку готовлю для себя ужин.

Перед сном заглядываю в телефон, чтобы поставить будильник, и обнаруживаю ещё три скачанных файла с именами «voice» и хаотичной нумерацией 017, 097 и 107. Немного удивляет, что на конце везде семёрки.

Нажимаю воспроизвести:

– Кто посмел запечатать её воспоминания?! Кто посмел отрезать её от стаи?! – надрывает лужёную глотку всё тот же порывистый баритон. – Я знаю, кто это сделал. Я чувствую его запах. Шаман, старый предатель, он думает, что спасает нас. Он думает, что она – опасность.

А я скажу тебе, Аш, кто на самом деле таит в себе угрозу. Мы с тобой.

Мы для неё опасность. И если к рассвету её память не вер-

нётся...

Я вырву твой поганный язык, голыми руками выдеру из груди сердце и брошу их в костёр. Пусть сгорят вместе с твоими тупыми эмоциями.

От звуков следующего послания меня пробрало до мурашек:

– Слушай, где бы ты ни была. Я знаю, что ты слышишь. Ты чувствуешь это как зуд под кожей. Как тень в углу. Как голос, который не даёт уснуть.

Это – я. И я не отстану. Ты думаешь, что в безопасности? В своей душной клетке, в своей жалкой, серой жизни – как бы не так! Я разрушу всё. Я приду. Я найду тебя. И ты вспомнишь, кто ты. Даже если для этого мне придётся выгрызть твою человеческую память клыками. Полнолуние близко. Испугалась? Хорошо. Значит, скоро мы увидимся вновь.

Холодок струится вдоль позвоночника от интимности этого обращения. В нём нет имен, но всё же воспринимается оно очень личным, словно действительно адресовано мне.

С трудом заставляю себя дослушать записи.

– Если ваша тень остаётся на стене, когда вы уходите – не паникуйте. Не бейте её. Не пытайтесь смыть. Просто скажите: «Я – твой хозяин». И дайте ей кусок мяса. Сырого. Без соли.

Невольно вырывается смех. Ну точно отрывок из какого-то чудного произведения. На этой разудалой ноте завоора-

чиваюсь в одеяло и с улыбкой закрываю глаза.

Вот бы в жизни повстречать кого-то, кто умеет так же порабощать голосом!

Последняя мысль «Надо поискать эту книгу в интернете» мелькает с яркостью молнии. Соглашаюсь и засыпаю.

Очухиваюсь будто через пару минут. В спальне кромешная тьма. На кухне что-то гремит и слышен странно хриловатый женский голос. Слов не разобрать, напоминает причитания или свирепую отповедь – не могу разобрать.

– Бу-бу-бу, – и звон стекла.

Потом:

– Кхех, бу-бу-бу, совсем уже! – и на линолеум падает что-то тяжёлое.

Сердце пускается вскачь. В квартире грабители! Одна из них женщина, забулдыга, если верить низким шипящим интонациям.

Хватаю с зарядки телефон и пытаюсь набрать «102», когда слышу:

– Вконец охамела, дрянь подзаборная! Ни грамма алкашки, зато молока насовала! Я, что, должна опохмеляться этим пойлом для Барсиков?! Никакого уважения к почтенным рыжинам!

Всё ещё хуже, чем показалось вначале: в мой дом пробрались маргиналы!

От удивления забываю нажать кнопку вызова, подношу смартфон к уху, жду гудки и на подгибающихся ногах кра-

дусь к кухне. Увиденное поражает настолько, что замираю столбом прямо в дверном проёме.

Пол усеян барханами из круп и макарон. Гречка впере-мешку с манкой и перловкой рассыпаны вокруг стола. У раковины горстка спагетти. Сахарница опрокинута, дверца холодильника разъявлена и изнутри торчит пушистый чёрно-рыжий хвост. Белка? Собака? Куница?

Животина недовольно фыркает, спрыгивает на пол и поворачивает ко мне узкую мордочку. Большие треугольные уши с тёмными кисточками на концах стоят торчком. Янтарно-золотые глаза с вертикальными зрачками смотрят с укоризной. Она открывает заострённую пасть и выдаёт тем самым прокуренным голосом:

– Ну ты и бесстыжая, Лилька!

Аут. Неужели шампиньоны, которые я ела накануне, оказались ядовитыми, да ещё галлюциногенными?

– Чего вылупилась? – хамит рыжая тварь и манерно переставляет тонкие лапки в чёрных «носочках», подбираясь ближе ко мне.

Задним умом приходит понимание, что передо мной лиса. Говорящая. И приходится смириться с выводом, что я основательно тронулась кукухой.

– Где мой виски, мадемуазель? – язвительно спрашивает зверюга, подлезает под стул, по-кошачьи трётся об ножки и зыркает на меня с ненавистью. – Думала, я навеки останусь невидимой? Вот и хренушки! С тебя компенсация за

все причинённые неудобства.

Она приближается на расстояние прыжка. Сверлит во мне сквозные дыры тяжёлым обвиняющим взглядом. Усаживается на задние лапы, передними поправляет хвост, заставляя его обвиться вокруг туловища – понятия не имею, как у неё выходит держать равновесие. Это не лиса в привычном понимании. Тварюга скорее напоминает помесь белки со своей кошкой.

– Алё, я с кем разговариваю? – сурово интересуется Рыжая.

– Со мной, очевидно.

– Во! Допетрила. Так что у нас с горячительным? Только не говори, что вылакала всё в одну каску. Ты обещала обо мне заботиться!

– Ага, – киваю и на всех парусах мчу в ванную, где в шкафчике лежит аптечка.

Мне срочно нужен градусник. И зеркало. Безумие ведь как-то должно себя выдавать.

Лиса идёт следом. Вспрыгивает на раковину, кладёт изящные пушистые лапки на полочку и вместе со мной заглядывает за дверцу. Чувствую идущий от её шерсти запах хвои, дыма от костра и густой смрад мускуса. Последний чем-то напоминает перемороженный отварной картофель. Он будто сладит и вызывает отвращение.

– Тебе бы помыться, – выдаю с омерзением и отступаю на шаг.

– Ха, вот ты и займись! Но вначале организуй мне выпивку. С трезвых глаз мне водные процедуры противопоказаны.

– Противопоказаны, – бурчу себе под нос и удивляюсь, до чего докатилось моё воображение.

А бывает так, что от одиночества люди съезжают с катушек и заводят себе воображаемых питомцев?

Неужто пару месяцев добровольной самоизоляции от общества так пагубно на мне сказались? Да я ведь не заперлась в четырёх стенах. Хожу на работу, беседую с клиентами, иногда сплетничаю с девчонками в офисе. Меня нельзя назвать отшельницей.

Любовная драма на сердце тоже не кажется значительной. Да, было неприятно, но чтобы сдвинуться на почве расставания со Стасиком?

Положа руку на сердце, он мне не слишком нравился. Да, эмоции были. В основном в первые месяцы. Он красиво ухаживал, умел налить ароматной розовой водички в уши. А вот внешне ничего особенного из себя не представлял. Обычный мужичок чуть за тридцать. Без карьерных амбиций. В близости тоже звёзд с неба не хватал.

Если бы требовалось охарактеризовать его одним словом, я бы назвала Стасика уютным. Как плед или скатерть. Он неплохо вписывался в интерьер моей жизни, но его предательство ударило лишь по самолюбию. Рассудка я не могла лишиться.

– В морозилке есть бутылка водки, будешь? – решила я

побрататься со своим заскоком.

Авось и я хлебну рюмашку, и наваждение сгинет.

– Спрашиваешь ещё!

И пышнохвостая плутовка радостно пускается вскачь. Я иду следом, позёвывая. Сейчас опрокину стопарик и на боковую. С утраца посмеюсь над приколами воспалённого мозга.

– У тебя кличка есть?

Достаю из загашника ледяную бутылку и наливаю в стакан на два пальца.

– Я тебе не псина какая подзаборная, ясно?! Нет. Есть имя.

– Да, и какое же? – Хочу наплескать огненной воды в блюдце, но горделивая зверюга останавливает.

– Хренсег я. И что это ты делаешь, пустоголовая? Я не кошка, чтобы хлебать их блюдца. В кружку лей! Да льда брось пару кубиков.

Послушно наполняю ещё одну чашку и развожу руками.

– А льда нет.

– Виски нема, мяса я тоже не нашла, – ворчит наглючая меховая тварь. – Ты чем вообще занималась в моё отсутствие?!

Она забирается на столешницу над шкафчиками с кухонной утварью, опять проделывает этот ритуал по укладыванию хвоста вокруг туловища, затем берёт чашку передними лапками и суёт внутрь мордочку. Шумно лакает и востор-

женно стонет.

– Восхвалим же Ивана Грозного за то, что в далёком XVI веке он открыл на Руси первые питейные дворы и популяризировал алкоголь! – лиса на секунду прерывается для провозглашения тоста и снова ныряет мордочкой в кружку.

Я морщусь от крепости. Перевариваю услышанное с трудом. По всей видимости, мой мозг изобрёл мохнатый аналог умной колонки.

– Как ты сказала тебя зовут?

– Хренснег.

– А сокращённо будет Хреня?

– Сама ты Хреня, двуногая идиотка. К твоему сведению, Хренснег – это не просто имя. Это – философия, это – крик души в полярную ночь, это – революция в шубе.

Хренснег происходит от древнефинно-угро-сказочного корня «хрен бы тебе, а не снег».

Это имя давали тем, кто не верит в Новый год, но всё равно украшает ёлку водкой и пакостями.

Аз есмь воплощение зимнего бунта, дитя метели и перегара.

Сумасшедшая лисица отставляет кружку, разваливается на столе в позе, которую сложно описать словами. Она вытягивает обе пары конечностей в разные стороны, прогибается дугой и заваливается на бок, после чего подпирает мордочку лапой и смотрит на меня с лёгким прищуром.

– Раньше меня звали Лиса Снежана – ну, знаешь, ми-

лая, пушистая, «ах, какая нежность». А потом я прочитала Достоевского, полирнула его тяжеловесные мысли бутылкой «Белуги» и сказала: «Хватит быть снежной – пора быть ХРЕНснегом!»

Так появилась новая я. С хвостом, как у кометы, и взглядом, от которого тает асфальт.

Ты, наверное, думаешь, что я грубиянка? – внезапно спрашивает кумушка и жадно пробует носом воздух, словно пытаясь уловить ход моих мыслей. И сама же отвечает. – А ты попробуй пожить в лесу, где все – либо дураки, либо медведи, либо медведи-дураки. Тут без хамства не выжить! С момента нашей разлуки я скиталась, голодовала, бродяжничала и вот, как ты меня встречаешь! Без виски. Без мяса. Без душевных объятий. А я, между прочим, не просто лиса. Я – явление. Я – буря в стакане мартини. Я – причина, по которой у зайцев нашего леса нервный тик.

– Так мы были знакомы раньше? – кое-как умудряюсь вставить несколько слов в пламенный поток речи.

– Тьху ты, – Хреня сплёвывает и таращится на меня с раздражением. – Совсем ты, Лилька, ополоумела. Конечно, были! Я с рождения за тобой присматриваю. Так что смею заявить, раньше ты помнила о благодарности. Да и жила лучше, – она обводит янтарными глазами тесную кухню, косится на крупные барханы на полу и вздыхает. – Тебе следует простить Аша. Он погорячился, с кем не бывает. И всё вернётся на круги своя. Чур, только не забывать, из чьих уст

ты впервые услыхала сей мудрый совет!

Второй раз за сутки я слышу имя «Аш». Делаю мысленную зарубку заново ознакомиться с посланием от хриплого баритона.

Рот готов лопнуть в широченном зевке. Поэтому оставляю лису на столе и сомнамбулой бреду досыпать.

Будем надеяться, утром эта бредятина развеется, и мне не придётся узнавать, кто такой этот Аш и чем он провинился перед моей воображаемой зверушкой. Или передо мной? Впрочем, какая разница.

Глава 3

В которой безумие набирает обороты, лисица наглеет сверхмеры, облик начинает меняться, а на месте офисного здания возникает бар «Тотал». Да, и ещё нас ждёт мимолётное знакомство с Каем

Просыпаюсь я раньше будильника. Лениво поглядываю одним глазом на занавешенное окно, смачно потягиваюсь, переворачиваюсь на другой бок и тут же натыкаюсь на жаровню с двумя угольками глаз.

– Ты безбожно храпишь, – укоряет лиса и в раздражении лупит хвостом по моей подушке.

– А ты всё так же воняешь, – парирую с лёгким сожалением.

Галюны за ночь не развеялись, что вселяет едкую нотку страха. Где бы раздобыть номер психиатра?

И тут меня осеняет! Если Хреновина всего лишь плод моей бредовой фантазии, то её вряд ли могут видеть другие люди.

Напяливаю халат и несусь на лестничную клетку.

Янка открывает спустя пару минут. В руке телефон, рот набит до отказа. Она жадно работает челюстями и смотрит на меня с недоумением.

– Доброе утро! Слушай, ты не могла бы заскочить ко мне

на секунду? Нужен один совет.

Соседка кивает и, дожёвывая на ходу, идёт следом. Мы заходим в спальню, и меня косит от ярости. Наглая рыжая морда свернулась калачиком на моих подушках и сладко посапывает. Остренький чёрный нос подёргивается, пахучая шкурка пропитывает своим мускусным смрадом мой любимый комплект белья.

Охота схватить Хреню за шкурку и выдворить на балкон, но вначале узнаем, так ли она реальна.

– Ну, что видишь? – громко спрашиваю я, указывая рукой на рыжую негодяйку.

– Новое бельё? – неуверенно переспрашивает Яна. – И ты гирлянду на подголовник повесила. Миленько.

– То есть ты её не видишь? – уточняю с беспокойством.

– Кого?

– Да эту вот...

– Лилька, лахудра, скройся, – бурчит плутовка и глубже зарывается харей в мою наволочку. – Мешаешь спать. Я почти год по лесам бродяжничала и под соснами спала. Дай отдохнуть по-человечески!

– Эту вот... что? – бестолково таращится на меня соседка.

– Эту вот тумбочку, – нахожусь я с ответом, тычу пальцем в облупленную мебель и игнорирую хамские речи скотины.

Приходится признать, что крышу у меня сорвало, и фляга засвистела. Досадный факт, но необходимости явиться на работу вовремя он не отменяет.

Поэтому я выпроваживаю Яночку, улыбаюсь на её странный комментарий:

– Клёвая причёска, тебе идёт! – и плетусь кипятить чайник.

Кухня являет собой кормушку зажавшегося хорька. Убраться нет времени, так что я смеха ради пишу записку лисе: «Прибери за собой!», магнитом прилепляю её на дверцу холодильника и в приподнятом настроении иду в ванную.

Живо вспоминается, как давеча Рыжая нахваливала глубокомысленное творчество Достоевского, и...

Окончание мысли вылетает из головы вместе с душераздирающим криком, что рвётся изо рта.

Округлившимися глазами смотрю на своё отражение в зеркале и фигею.

Хай с ней, с ехидной лисицей. В выдумку собственного подсознания я ещё готова поверить, но это! ЭТО!

За ночь мои жиденькие волосёнки цвета горького шоколада обрели объём, блеск и завернулись в тугие локоны. Как такое возможно?

Проверки ради хватаю у подбородка прядь, оттягиваю до болезненного натяжения у корней и резко отпускаю. Она заново скручивается в кукольную кудряшку. Ну чума просто!

Новая порция изумлений поджидает меня на работе. Добираюсь до офиса привычной дорогой: двадцать минут на маршрутке, ещё пять – резвой ходьбы, сворачиваю за угол и натурально визжать хочется.

На месте высотки с фасадом из синего стекла стоит приземистое двухэтажное здание, выкрашенное в кирпично-красный цвет. Окна забраны металлическими ставнями, крыльцо покрыто выщерблинами. Обе урны возле главного входа под завязку набиты пустыми пивными бутылками, мятыми жестянками и окурками. На козырьке красуется надпись «Бар Total». Чего, мать вашу?!

Кипя негодованием (перемены в таком количестве, знаете ли, способны расшатать даже самую неколебимую нервную систему), бросаюсь к входной двери и дёргаю ручку. Та с лёгкостью поддаётся.

Внутри меня встречает полумрак, тяжёлый дух хлебных дрожжей, сизое марево табака и холостяцкий антураж.

Слева вдоль стены выстроилась шеренга хлипких столиков. Стулья перевёрнуты и вверх тормашками водружены на столешницы. По полу из темно-серой плитки деловито снуёт робот-пылесос, а за ним тянется неопрятный влажный след.

Бар находится справа. Там за стойкой орудует тощий нескладный мальчишка в светящихся наушниках. Он увлечённо елозит тряпкой по прилавку и громко бубнит что-то наподобие рэпа. Матюки перемежаются с диковинными словечками:

– Я в айфоне, но душа – вейп-бум,

Кликаю трек, а в голове – сёрфинг в нулинке с трендом в зуме.

У современной молодёжи в головах сплошные нулики,

мысленно брюзжу я по-старчески, вскарабкиваюсь на высокий стул и хлёстко бью рукой по стойке. Парень продолжает махать патлатой гривой в такт басам. Меня не замечает.

– Эй, человеки! Срочно нужна помощь! – ору напропалую, складывая ладошки рупором.

Рэпоман вздрагивает, оглядывается на меня через плечо и вдруг радостно улыбается.

– О, Лилька! Сколько лет, сколько зим! – срывает с макушки динамики и наваливается на стойку. – Нашлась пропажа!

– Мы знакомы? – теряюсь я от изумления.

Всё происходящее напоминает какой-то шалман.

– Вот это тебя садануло! – восторгается паренёк и разглядывает меня с неподдельным интересом. – Совсем память отшибло, да? Аш постарался! Слухай, а его ты помнишь? Вот это поворотина! Тебя к людям швырнуло, да? И как? Не, у них заморочек, конеш, миллион. Вся эта немагическая жизнь... Я б тоже таким же припиздн... ой, то есть пришибленным выглядел, вот как ты сейчас!

Он тараторил со скоростью сто минимально понятных слов в секунду. Кажется, даже пауз не делал, чтобы глотнуть воздуха. Пришлось тормозить болтуна.

– Так, стопэ! По порядку, юноша. Какой адрес у этого бара?

– Желябова 10, – отмахивается он и давай частить дальше.

– А ты как нашлась? Кай постарался? М-да, он в последний

месяц рвал и метал! Особенно после недавней вылазки стаи озверел. Аш-то совсем от рук отбился...

– Хватит! – прикрикиваю, чтобы остановить поток бессмысленных новостей.

Аш, Кай, бар «Тотал» на месте гигантского бизнес-центра, прихреневшая лисица в моей постели – куда подевалась моя реальность?!

– Нервная ты, Лиль!

– Я вообще припадочная! – хватаю со стойки картонную подставку для пивных кружек и грожу пареньку. – Поэтому живо отвечай на мои вопросы и без лишних фактов, усёк? Мы знакомы?

– Так ты моя босиха, – принимает он правила игры, от чего улыбка со щербинкой становится во сто крат ярче.

– В смысле, я здесь работаю?

– Ну да, ёпт. Ты правая рука Кая и невеста Аша.

– Кай – это кто? – решаю довести допрос до конца, хотя уже на этой стадии хочется добровольно сдаться в психушку.

– Ну Кай же! Вожак стаи, наш с тобой шеф. Редкостный мудак, но авторитет у него... Ух! Притом не только среди оборотней. Видала бы ты, с каким...

Приходится снова потрясти картонкой перед носом словоблуда, чтобы усмирить зудёж его языка.

– Кого ты называешь оборотнями?

– Э-э, зверей в людском облиии. А у тебя совсем каюк с башкой, да? Полный чек-даун?

Киваю, чтобы не произносить ничего вслух. Затишье пытаюсь использовать для осмысления услышанного. Где-то в глубине души ещё теплится надежда, что мы с тощим мальчишкой общаемся на разных языках. Может, он в интернете пересидел или слишком впечатлился творчеством Толкиена, вот и сочиняет небылицы.

– Бедолага, – бармен сочувственно качает головой и ставит передо мной два стакана. Подхватывает бутылку, ловко перебрасывает её за спиной в другую руку, крутится волчком и театрально разливает янтарную жидкость по бокалам.

Я отказываюсь от своей порции. Желудок и так бунтует, а в голове простирается молочно-белый туман.

– Давай брякнем Ашу, он живо примчит и приведёт тебя в чувство. А то не нравится мне твой внешний вид. Таращишься, будто привидение увидала.

– Почему ты так уверен, что мне отшибло память? – наконец нахожу вопрос, который кажется значимым.

– Из-за Аша. Это ж он тебя приложил по-свойски. Сонька рассказывала, будто ты не меньше полсотни метров пролетела и конкретно так черепком о камень тюкнулась.

– А за что, ты в курсе?

– Да все в курсе. Из-за Кая. Шептались, будто бы он на тебя глаз положил. Аш приревновал. У них с боссом и раньше тёрки были. Два альфы в одной стае редко могут ужиться, чтоб без конфликтов, но раньше им удавалось. А потом Шерагул завёл шашни с ведьмой, та стала вместе со стаей ту-

силь. Ну и ненароком сболтнула лишнего. Про твои чувства к Каю. Аш тогда перевёл всё в шутку, да только оборотни – не морские котики, вот его и бабахнуло в полнолуние. Тигр же...

Я сейчас слопаю на завтрак собственный мозжечок! До чего бестолковый рассказчик мне попался. Ни единого внятного слова, сплошь урывки событий и куски фраз.

Не смотря на протесты организма, смахиваю со стола стакан и залпом опрокидываю в себя жгучую настойку. Глаза щиплет от слёз. В груди делается горячо. Мелкая дрожь по всему телу сменяется ложным ощущением расслабленности.

Не успеваю перевести дух, как сбоку от нас открывается входная дверь и на пороге появляется ожившая девичья мечта. Ростом под два метра, широкоплечий, маститый. Прямые волосы до плеч отливают серебром. Косуха трещит по швам от обилия мускусов. Потёртые джинсы облегают мощные и длинные ноги.

Он двигается резко, стремительно. Взгляд из-под тяжёлых тёмных бровей прошивает насквозь. Острые черты лица делают его похожим на хищника и в то же время аккуратный прямой нос, налитые полные губы и отчётливая ямочка на подбородке смягчают производимое впечатление.

Волосы у него нереальные. Чересчур светлые и шелковистые даже на вид.

Бармен-сплетник активизируется. Живо убирает стаканы, вытягивается в струнку и козыряет начальству. Блондин по-

королевски важно кивает ему, затем переводит сканирующий взор на меня и замирает.

– Лиля?

Всего одно слово, а меня прошибает статическим разрядом. Я умудряюсь узнать этот чуть севший голос всего по двум слогам. Ранее выпитый алкоголь огненным шаром обрушивается в желудок. Кровь вскипает в жилах. По позвоночнику струится волна жара. Воздух пропадает из лёгких.

Скуластый мужик вмиг сокращает расстояние между нами. Вонзает длинные пальцы в мой подбородок, задирает голову, вынуждая смотреть на него снизу-вверх и внезапно обдаёт такой яркой улыбкой, что у меня начинает сбоить сердце.

– Вернулась, – с одобрением порывается блондин, быстро склоняется и алчно засасывает мои губы.

Честно говоря, меня никогда прежде так не целовали. С нежностью и трепетом, к которым примешаны торжество обладания и неутолимый голод.

Он гладит мою шею пальцами, жадно поедает губы и со всей страстью вторгается языком. Напирает, атакует, распяляет.

Краем уха я слышу восторженный свист паренька. Ещё какая-то часть сознания возмущается происходящим. Но всё остальное ликует. Меня поглощает этот поцелуй. В его вкусе чувствуются нотки мяты и сигаретного дыма. Преотвратное сочетание, как мне казалось, но в данную секунду я готова

потреблять его бочками.

Руки сами взмывают вверх и обвиваются вокруг шеи незнакомца. Впиваюсь ногтями в гладкую кожу его куртки, привстаю на перекладине стула и подаюсь вперёд.

Светлогривый с нетерпением вжимает меня в себя, так, словно я его собственность, притом драгоценная. А я и рада принадлежать, хотя уже задыхаюсь, и сознание плывёт в маревах захлестнувших эмоций.

Всё прекращается как по щелчку. Хлоп, и мужчина отстраняется. Деревенеет всем телом. Убирает руку с моего горла и пристально разглядывает.

– Значит, это правда, – заключает не то со злостью, не то с разочарованием. Отшвыривает меня от себя и, ссутулившись, проходит мимо, чтобы скрыться за неприметной дверью в глубине зала.

А я остаюсь хлопать ресницами и недоумевать. Это что сейчас было?!

Глава 4

В которой прошлое Лили начинает постепенно складываться, в настоящем объявляется Аш с извинениями, а подхалимка Хренсег обзаводится бутылкой вискаря

Мне срочно нужно на свежий воздух. Сонм мыслей распирает голову изнутри. Я похожа на книжную полку, до отказа набитую старинными фолиантами – попытайся вытащить хотя бы один, и вся конструкция обрушится вниз.

Если ощущения меня не обманывают, голос этого странного типа с белёсыми патлами я и слышала на записях. А ещё внутреннее чутьё подсказывало, будто он и есть Кай, вожак стаи. Или правильнее называть мои ощущения не интуицией, а отрывочными воспоминаниями?

Допустим, я когда-то была кем-то другим. Потом на меня напал разъярённый тигр, я хорошенько приложила голову, после чего...

Вот же бредятина! Оборотни, ага, как же! Они не более реальны, чем спящая в моей кровати говорящая лисица.

А могло такое произойти, получи я на самом деле травму головы? Скажем, на днях поскользнулась на льду, ткнулась затылком и прощевай, душевное здоровье! Сплошь и рядом ведь такое.

Ноги сами приносят меня обратно домой. Едва пересту-

паю порог и сбрасываю обувь, из гостиной появляется очередной сюрприз.

Даже не вздрагиваю при виде огромного лохматого мужика. Удивлялка всё ещё пребывает в шоке от поцелуя блондина.

Только незванный гость оказывается хуже ехидной плутовки и страстных лобызаний с незнакомцем. Он налетает на меня ураганом, сгребает в охапку огромными ручищами и тычет меня носом в свою грудь.

– Лилан, прости! Я бесконечно виноват перед тобой. Не стоило тогда так бурно реагировать, – начинает оправдываться он, и меня обуревают сомнения.

А голос-то похож! Те же рычащие согласные, певучие гласные, плавность речи. Он будто не говорит – убаюкивает, умиряет, подчиняет себе. И пахнет от него, м-м-м, чудесно. Капелька свежего пота, терпкий аромат дорогой туалетной воды с нотками морского бриза и что-то сладкое. Это скорее ваниль или корица. Мой желудок жалобно напоминает, что близится время обеда, а ему не досталось даже завтрака.

– Ты Аш, правильно? – предполагаю на свой страх и риск.

– Ты меня помнишь? – безмерно удивляется парень и отстраняется самую малость, чтобы посмотреть в глаза.

А он ничего такой. Лицо гораздо мягче, чем у предыдущего мужика. Черты выверенные, классические, складываются в очень приятную картину. Глаза так и вовсе завораживают. Они у него вроде как карие, но с жёлтым напылением.

Что-то вроде золотой пыли кружится вокруг зрачка, гипнотизируя, привлекая внимание, зацкливая на себе.

– Ты меня помнишь? – повторяет он вопрос и с мольбой смотрит в глаза.

Вместо меня отвечает Хренсег.

– Если бы меня трахнули с такой силой по башке, я б запомнила того, кто это сделал. Лишь для того, чтобы отомстить. Так что, Лиль, не стесняйся. Можешь прямо на моих глазах его угондошить. Обещаю унести эту тайну с собой в могилу.

Я выглядываю из-за плеча. Злопахательница лежит на диване в обнимку с початой бутылкой вискаря. Янтарные глазки осоловелые. Она хищно скалится и подсматривает за нами с нескрываемым интересом. Предложить ей ведёрко с попкорном, что ли? А лучше алкозельцер. И где эта прохиндейка умудрилась раздобыть выпивку?

– Нет, я тебя не знаю, – осторожно выпутываюсь из объятий виноватого брюнета и отступаю на шаг. – Скажи, а ты тоже её видишь? – кивком головы указываю на воображаемую пьянчужку.

– Кого? Харю? Конечно!

– Но-но-но, я бы попросила! – тут же ерепенится лиса. – За вискарик, конечно, спасибо, но я ещё не пересмотрела наши с тобой взяма... взаимно... взаимоотношения, вот! В конце концов, ты бессердечный ублюдок, который лишил меня крова над головой! И я много чего могу припомнить,

если вдуматься...

– Хорошо, Хренсег, я уяснил.

Он даже не оборачивается к шантажистке. Скрещивает руки на весьма развитой груди, склоняет голову чуть набок и рассматривает меня с придирчивостью оценщика.

Я под этим тягучим взглядом теряюсь. Неловко переступаю с ноги на ногу. Аура у этого Аша, конечно, ну чисто атомный реактор. Чувствую себя какой-то песчинкой у подножья великих египетских пирамид, а он поглощает всё вокруг: пространство, воздух, даже моё неверие в происходящее куда-то улетучивается.

Рядом с таким понимаешь, он точно не человек. Слишком хорош собой, хотя одет достаточно просто: тёмная футболка, узкие джинсы, из которых выглядывают босые ступни. Вижу его кожаную куртку на вешалке и фирменные кеды с логотипом бумеранга на коврикe у двери.

– Как он тебя нашёл?

– Как ты меня нашёл?

Спрашиваем одновременно и тут же замолкаем.

– Твоя лиса меня призвала.

– А как ответить на твой вопрос, я понятия не имею. Под «ним» ты подразумеваешь Кая?

– Да, как именно он тебя отыскал?

Мы перемещаемся на кухню, где по-прежнему царит наведённый выпивохой бардак. Утренняя записка так и осталась висеть на холодильнике бесполезным клочком бумаги.

Я приношу из ванной веник с совком и попутно принимаюсь за уборку.

Свой рассказ начинаю, как говорится, от печки, с того вчерашнего сообщения, прилетевшего на мой телефон. Аш устраивается на стуле, внимательно слушает, затем просит воспроизвести аудиозаписи.

Пока мою пол, в кухню бочком протискивается лисица. Вспрыгивает на раковину, мордочкой поддевает клапан, пускает струю холодной воды и жадно лакает.

– Хитрая жопа этот ваш Кай. Надоумился обвинить во всех бедах шамана, – заводит она рассказ, утолив жажду. – Явился этот хлыщ белобрысый к бедолаге и пригрозил отгрызть голову, если тот немедля не выдаст место, где ты, Лилька, прячешься. Страдалец аж полные штаны навалил со страху. Прибежал ко мне, кидался в лапы. Всё плакал, детишки у него, якобы, мал мала меньше. Вот я и дрогнула.

– Так это ты её скрывала? – осеняет Аша.

– Нет, тупоголовый, надо было отдать её на тебе на блюде с голубой каёмочкой, чтобы вы двое длиной своих альфа-пенисов мерились! – единым духом выпаливает Хренсег и чванливо отворачивается к стене.

А так и не скажешь, что она уже приговорила треть полулитровой бутылки.

Я методично тру линолеум, подлажу под стол и силюсь собрать воедино все факты.

Передо мной сейчас ноги жениха, правильно? А ничего

так у меня с везением, экземпляра очень даже любопытный, только характерец у него так себе. Чрезмерная гневливость заставила поднять руку на женщину, то бишь на меня. По словам парнишки из бара, Аш приревновал меня к Каю. Ага, небезосновательно, наверное. Блондинчик-то ого-го, а целуется как... Невольно приходится подбирать собственные слюнки.

Моя заступница в мехах придумала единственный выход из создавшейся ситуации, она скрыла меня и лишила памяти. Надо будет расспросить её подробнее обо всём случившемся, когда останемся наедине.

Заканчиваю с уборкой и нет-нет, да поглядываю на Аша. Он открыто таращится в ответ, словно отыскивает во мне отличия или, наоборот, хоть что-то знакомое.

Вопрос вырывается у меня непроизвольно:

– А ты впрямь оборотень?

Хренсег тяжело вздыхает, спрыгивает на пол и, задрвав хвост трубой, чинно удаляется из кухни. Слышу её недовольное бурчание:

– Падкой душой была, ей же и помрёшь, убогая.

– Тебе рассказать или показать? – с неожиданной весёлостью уточняет Аш.

– А показать – это опасно?

Он улыбается. Дерзко, во весь рот, обнажая два ряда идеально белых зубов. Щёки у него складываются гармошкой, на переносице и вокруг глаз собираются мимические мор-

щинки. По всему видно, что ему часто приходится бурно выражать эмоции.

– Опасности ноль! – громко язвит лиса из гостиной. – Просто попроси его пошире раскрыть пасть и сунь туда свою тупую башку!

– Харь, ты преувеличиваешь! – пытается перекрычать рыжую Аш.

– А ты с мозгами дружбы не водишь, шаурма с полосками!

– Ты по-прежнему милее всех, рыжая тряпка! Признаюсь, я даже немного скучал по тебе.

– Не могу сказать о себе того же. Будь ты Шерханом, а не Табаки, возможно, поменяла бы своё мнение в лучшую сторону.

Их обмен колкостями проходит мимо меня, потому как в процессе Аш встаёт со стула и принимается раздеваться. Футболка летит ко мне в руки, джинсы падают на пол, а трусы...

Тут я, наконец, прихожу в себя и стыдливо отворачиваюсь. Понятия не имею, какие отношения нас связывали когда-то, но заглядывать за ширму пристойности я не собираюсь.

Машинально подношу к лицу его одежду и принохиваюсь. Всколыхнется что-то в памяти или нет? Некий образ или туманный эпизод. Сойдёт даже обрывок эмоции – любая подсказка, которая может указать на то, что когда-то мы были близки. Но нет. Его запах мне кажется всего лишь при-

ЯТНЫМ.

– Аш, а сколько мы были вместе?

Вместо ответа получаю утробное урчание и чувствую, как мне в поясницу тычется что-то влажное.

Медленно-медленно оборачиваюсь и застываю соляным столбом.

Между холодильником и мойкой стоит огромный белый тигр – не меньше двух метров в холке, наверное. Гигантская морда нависает надо мной, а хвост, тяжёлый и мощный, медленно покачивается, задевая дверцу шкафчика – тук, тук, тук – будто отсчитывает секунды до моего решения: спастись бегством или на манер опоссума прикинуться трупом.

У него полосы по всей шкуре – не ярко-чёрные, а дымчато-серые. На туловище они крепкие, размашистые, двигаются в такт с его шумными вдохами. На морде узоры куда отчётливее и тоньше. Они придают ему некую задумчивость.

И вновь меня притягивают его глаза. Они теперь имеют гипнотический жёлтый оттенок и напоминают два чана с расплавленным металлом. К тому же смотрят так спокойно, почти с пониманием, будто их обладатель заранее настроился быть утипусечным котиком, а не матёрым хищником.

Лапы тоже впечатляют. Мощное туловище зиждется на четырёх колоннах из белой шерсти. Когти чуть выдвинуты, но не угрожающе. Он не рычит, не нападает. Просто стоит и едва слышно урчит, всем своим опасным видом демонстрируя доброжелательность.

Наверное, именно в тот момент я окончательно поверила всем рассказам и перестала сомневаться в здравии своего рассудка. Такое изобрести моему воображению просто не под силу.

Слова застревают в горле и всё же я осмеливаюсь спросить:

– Могу я к тебе прикоснуться? – и на пару миллиметров выставляю вперёд руку.

– Его пасть – твоя башка – ням-ням, – комментирует со своего диванного лежбища гадкая лисица.

Тигр-переросток тычется влажным розовым носом мне в ладонь. Урчание, так похожее на низкий, тягучий гул дизельного мотора, который вот-вот заведётся, но не спешит никуда ехать, – это урчание усиливается. Смертоносный хищник зажмуривается и осторожно подаётся мордой вверх, намекая, что я вполне могу его погладить.

У меня дух захватывает от одной этой мысли, а когда веду пальцами по серебряным волосам на широком носу, колени начинают мелко трястись. Тигр с шумом втягивает в себя воздух, а потом вдруг выпускает из пасти непомерно большой язык – по размеру смахивает на банное полотенце – и ведёт им по моей руке от запястья к плечу. Он шероховатый, как у всех кошек, и в то же время очень горячий и мокрый.

На долю секунды представляется, как в следующий миг он раскрывает бездонную пасть и проглатывает меня со всеми потрохами, но этого не случается.

– Ты со всеми такой милашка? – Мой голос подрагивает от напряжения.

Аш бьёт передней лапой в пол дважды.

– Это да?

Тигр отступает на шаг, садится на задние лапы, обращает морду к гостинной и скалится. Меня передёргивает от ужаса при виде двух пар клыков, где каждый походит на средневековый меч. Наверное, и по остроте ничем не уступает.

– Хочешь сказать, что ты мил только со мной?

Аш поворачивается ко мне и на полметра склоняет белоснежную голову.

– А два удара лапой – это «нет», правильно?

Он единожды опускает убийственную конечность на линолеум и преданно смотрит в глаза. Затем неторопливо ложится у моих ног и продолжает урчать, вернее даже вибрировать – отчётливо ощущая ступнями идущие от него колебания.

Хренснэг решает составить нам компанию. С задранной кверху мордочкой протискивается на кухню и приторно-сладким голоском басит:

– На твоём месте, Лилечка, я бы держалась от этой скотины подальше. Блохи, лишай, бешенство – мало ли какую заразу можно подцепить от выродка.

Тигр фыркает, скалится так, что шерсть на загривке встаёт дыбом. Лиса и ухом не ведёт. Шествует к холодильнику, ловко перескакивает через массивную тушу зверя, запрыги-

вает на шкафчик и по-хозяйски открывает дверцу. Заглядывает внутрь, хватает с верхней полки кусок сыра, умело срысывает лапами полиэтилен и оттяпывает приличный шматок.

Меня раздирает изнутри смех. Театр абсурда же! Батюшка Крылов бы прослезился, увидь он столь пасторальную картину – лиса, с аппетитом поедающая «российский». Любопытно узнать, нет ли у него басни о вражде между плутовкой и тигром?

Дверной звонок прерывает моё веселье.

– Дай угадаю, вервульф пожаловал! – эту подковырку Хреня адресует Ашу.

Он всего раз стучит лапой по полу и по-царски выпрямляется. Открывать мы идём вместе с брехливой плутовкой, а там...

Глава 5

В которой матушка решает взять дочь под своё крыло, Аш недвусмысленно выступает «против», а Хренсег ставит во взаимоотношениях жидкую точку

На пороге стоит моя мать, а за её спиной толкнутся трое мужчин в серо-синих комбинезонах. У одного в руках стопка сплющенного картона, другой держит пластиковый чемоданчик с инструментами, третий – коробку, и о её содержимом несложно догадаться. Там наверняка мотки пупырчатой плёнки, рулон упаковочного материала, кабельные стяжки и прочая сподручная мелочь. Маменька решила меня переселить.

– Ты сменила замки! – негодует она, без приглашения вваливаясь в прихожую.

Чуяло моё сердце, что подобный вариант развития событий не за горами.

– Старый барахлил и всё время заедал, – оправдываюсь с неохотой.

Грузчики входят следом. Лиса шумно принимается ко всем четверым, задирает мордочку на меня и поджигает ушки. На счастье, молчит.

– Это что ещё за облезлая тварь? – негодует матушка.

Хреня косит взгляд в её сторону, но комментировать не

спешит.

Я бросаю встревоженный взгляд на дверь кухни. Следует ли ждать появления исполинского полосатого монстра? Уверена, что его компания придётся по душе халдеям. Мигом посжирают весь принесённый инструментарий.

– Это моя лиса, Хренснег.

– Господи, Лиля! – родительница всплёскивает руками. Очень театрально. – Почему не завести рыбок или канарейку? Зачем тащить в дом дикое существо? – она разувается и жестом велит работягам заняться своими делами.

Троица скидывает кроссовки и прёт в гостиную.

– Мам...

– Поражаюсь твоей безалаберности! – командирша не даёт мне и полсловечка вставить. – Прекрасно знаешь, что эта квартира предназначена моему будущему внуку, и всё равно приволокла в дом вонючую животину. Немедленно избавься от неё и будь любезна пригласить сюда клининговую службу за свой счёт!

Рыжая хитровка слушает отповедь с преувеличенным вниманием. Даже моргать забывает. Ещё раз вскидывает ясные янтарные очи на меня, словно укоряя за незыблемое спокойствие, и, повиливая пушистым хвостом, возвращается на диван. Обвивается кольцом вокруг драгоценной бутылки виски и горестно вздыхает.

Маменька тоже чувствует себя как дома. Проходит в зал и раздаёт указания служащим:

– Собираете только вещи, господа. Мебель демонтируете после. Не пристало моему Лёничке жить среди стариковской рухляди. Мы всё заменим. Да, Владимир...

– Мама, что ты делаешь? – не выдерживаю я и хватаю её за локоть. – Я ведь популярно объяснила, что никуда не намерена...

– Володя, прошу вас, снимите с окон эти ужасные каркасные гардины. Они портят весь интерьер! Лиля, душа моя, неужели так трудно содержать жильё в чистоте? Могла бы сделать хотя бы косметический ремонт! Ты только посмотри на цвет стен!

Она машет ладошкой в сторону кухни и замолкает. В проёме стоит Аш, одетый и в людском обличи. Медленно потягивает дымящийся напиток из чёрной кружки с сердечками и надписью «Моя малышка» (подарок Славика на 8 марта) и с интересом наблюдает за нами.

– Здравссти, – приветствует он с теми лениво-хрипловатыми переливами в голосе, от которых меня выворачивало наизнанку ещё на записях.

– Э-э-э, Лилечка, это кто?

Тигр без кожаного пальто!

Хреня приоткрывает один глаз. Любопытная Варвара тоже мне нашлась.

– Аш, без пяти минут муж вашей дочери, – триндит оборотень, не поморщившись.

Ставит чашку на кружевную салфетку, накинутую поверх

телевизора с кинескопом (сей раритет достался в наследство от бабушки), и шагает к нам. Лапает меня за плечи своими жаркими ручищами (да у парня горячка! Аж обжигает прикосновениями) и заставляет прижаться щекой к своей груди.

У меня под ухом оказываются не только литые мышцы, но и его сердце, которое напоминает гулкий барабан в пустой крепости. Невольно зависаю на его ритме.

– Аш? – переспрашивает маменька.

– Сокращение от Паши. Эй, мужики, тормозите. Вы, наверное, не в курсе... Кстати, как вас по имени? – спрашивает он у матери.

– Екатерина Васильевна, – растерянno говорит она.

– Так вот, Катенька, мы с Лилей вовсе не намерены переезжать. Ни с вашей помощью, ни по велению души. Ведь правда, *мальши*?

Последнее слово он выделяет интонационно, будто подчёркивая, что наличие подарков от бывших ухажёров ему претит.

Лисица, которая не упустила ни единого словечка, разевает пасть и во всеуслышание смачно рыгает. Затем снова роняет мохнатую голову на доньшко вискаря и разыгрывает глубокий сон.

Мама мечет взгляды от одного к другому. То кривится при виде невоспитанной лисы, то хмурится, лицезрея моего так называемого жениха.

– Дорогой Павел, я понятия не имею, откуда вы взялись!

Но настоятельно не рекомендую вмешиваться в наши отношения с дочерью. Она сегодня же вернётся в отчий дом...

– Нет.

Аш произносит это слово спокойно, громко и отчётливо. Да ещё ни на миг не перестаёт улыбаться. Однако мне в его глазах, которые, кстати, так и остались жёлтыми, мерещится тень угрозы.

Маменька вспыхивает, что твоя керосинка.

– Да как ты смеешь мне указывать! Я лучше знаю...

– Указываешь здесь ты, Катерина, вернее, пытаешься. Лиль, душа моя, разве ты собиралась переезжать к родителям?

Актриса из меня на крепкую единицу по сто балльной системе, так что воркую весьма убого:

– Ну что ты, Аш, мой дорогой! Это ведь память о бабушке. Я не могу расстаться с воспоминаниями о самом дорогом человеке.

А вот почесать его ноготками по груди выходит вполне естественно. Аш крепче сдавливает моё плечо, ненадолго прижимается губами к макушке и урчит. Совсем как его Альтер эго в белоснежной шкуре несколько минут назад.

– Вот видишь, Кать! Ошиблась ты насчёт дочерних намерений.

– Владимир, продолжайте работу! – добавляет властности матушка.

Аш отклеивает меня от себя и направляется к грузчикам.

По пути достаёт из заднего кармана брюк бумажник (не кастет, слава богу) и вручает всем троим по купюре номиналом в пять тысяч.

– Это за беспокойство. Семейные дразги, парни. Сами понимаете, лучше вам свалить.

Маменька и не думает оставаться в стороне. Пробует вырвать из рук Аша туго набитый кошель, но тот умудряется оттеснить её своей спиной. Родительница свирепеет и в порыве злости лупит его кулаком. Попадает чуть выше лопаток, и я поклясться готова, что её удар не страшнее комариного укуса, однако человек-тигр теряет самообладание.

Он резко оборачивается, хватая маму за горло и с лёгкостью приподнимает над полом.

– Лиля никуда отсюда не съедет, а ты сейчас уберёшься, покуда кости целы. И больше не явишься без приглашения, усекла?

Внутри меня что-то ликует. Другая часть возмущена дремучими манерами оборотня. Не слишком ли рьяно он оберегает мой личный покой? Если бы дело происходило в тёмной подворотне, где мне угрожали расправой гопники, позицию Аша, как и его методы, ещё можно было понять, но сейчас...

– Эй, ты! Пустил мою мать немедленно! – бросаюсь на выручку и повисаю всем весом на мужицком предплечье.

Опять же краем глаза подмечаю его силу и красоту. Под кожей у него бугры мускулов и все по твёрдости не уступают алмазу. Его рука от запястья до локтя покрыта густы-

ми тёмными волосками, а дальше простирается бескрайняя пустошь лёгкого бронзового загара. И пальцы у него загля-
денье. Длинные, крупные с короткими чистыми ногтями.
Вздумшиеся вены завораживают.

Аш подчиняется. Разжимает стальную хватку и пулей вы-
летает на балкон, не забыв прихватить кружку с кофе.

Мама повисает на мне. Всклипывает. Обнимаю её дрожа-
щее тело. Осторожно глажу по волосам, так, чтобы не испор-
тить укладку.

– Где ты нашла этого неотёсанного чурбана? – сипит она
в перерывах между попытками отдышаться. – Какое неува-
жение! Запомни, Лилечка! Я не даю своего материнского со-
гласия на брак с подобным гамадрилом! У него же не все
дома!

Молча проглатываю её возмущения. Мне есть, что возра-
зить, ведь она сама явилась сюда отнюдь не по велению мате-
ринского сердца. Точнее, не из заботы обо мне. Ведь нароч-
но притащилась среди бела дня с помощниками, чтобы упа-
ковать мои пожитки и освободить жилплощадь для дорогого
Ленёчки. Знала, что я буду на работе до позднего вечера, а
вернувшись, не отыщу в себе сил для дальнейшей борьбы.

Это трактуется как подлость. Поэтому вряд ли она име-
ет право осуждать варварские методы Аша. Сама ничуть не
лучше. Готова была вонзить нож в спину лежащего.

Пока мама справляется с истерикой, Хреня встаёт с дива-
на, вальяжно потягивается и трусит в прихожую, откуда воз-

вращается через пару минут. Садится на ковёр и с донельзя довольной рожей лижет переднюю лапу.

Аш тем временем мнёт перила балкона. Ветер треплет длинные пряди тёмных волос. Футболка на его спине парусит, и это зрелище вынуждает меня саму ёжиться от холода. В который раз ловлю себя на любовании. Хорош, шельмец, хоть и психованный. А с этими жёлтыми тигриными глазами да обжигающе горячей кожей...

Невольно представляется наше уединение. Каково это, ощущать на себе вес его тела? Видеть своё отражение в расширившихся зрачках, вокруг которых жидким золотом кружит радужка? Наверное, я зря отвернулась, когда он раздевался. Могла бы иметь общее представление о том, чем он может похвастать ниже пояса. Стоит ли и там ждать чудес?

Ох ты ж! Вот это меня несёт. Не иначе, как весеннее обострение сказывается. И перебор со сверхъестественным.

Веду маменьку в коридор. Она всё ещё причитает, грозит-ся пожаловаться отцу, обвиняет меня в отсутствии благодарности.

– Мы тебя выкормили, воспитали, всю душу в тебя вложили, а-а-а-а-а ты-ы-ы-ы!

А я сбежала от их кормёжки, вкладышей и воспитания в 15 лет и переехала к бабушке, потому что ни единого дня больше не могла находиться в доме, где жизнь вращается исключительно вокруг Лёнечки.

Мама утирает фальшивую влагу со щёк и, не глядя, суёт

ногу в туфельку. Взвизгивает и брезгливо отирает ступню о коврик. По коридору начинает простираться удушливый запах мочи с явственным оттенком мускуса.

– Господи, что это?! Что же это?!

Маменька наклоняется и с отвращением выливает на несчастную подстилку для обуви приличную порцию лисьих испражнений. Прodelывает то же самое и со вторым обувком.

Мне, конечно, жаль испорченный коврик, но отчаянная выходка сердобольной лисицы вызывает умиление. Ишь как расстаралась ради меня. Или обиделась на эпитеты из уст маменьки? Надо запомнить на будущее, что с этой своенравной особой следует держать ухо в остро. Такая и в постель нагадит, коли оскорбится.

Мама дуреет окончательно. Вздвигается, что подхваченный ветерком воздушный змей, и босиком бросается к лестнице.

Смею надеяться, что теперь у меня в запасе пара недель спокойной жизни. Ну или хотя бы временная передышка. Ведь очевидно, что от той парочки хвостатых, что застряла в квартире, помеченными ботинками не избавиться.

Аш возвращается в гостиную, едва я заканчиваю запихивать в пакет испорченные лисой вещи.

– Я бы извинился, будь эта женщина твоей настоящей матерью, – выдаёт он и садится на корточки, чтобы завязать шнурки кроссовок.

– Скажи ещё, что я приёмная.

– Я имею в виду твою настоящую семью, а не это вот недо-
разумение.

– Аш, послушай...

Мы выпрямляемся одновременно, и мне приходится говорить, запрокинув голову. Разница в росте у нас никак не меньше тридцати сантиметров, а то и все сорок.

– Если хочешь, я познакомлю тебя с ними уже сегодня. Они тоскуют по тебе не меньше моего.

Да о какой такой другой «настоящей» семье речь?!

– Нет, не хочу. Я не узнаю ни тебя, ни того блондина...

– Ты виделась с Каем? – Немного потемневшие глаза снова разгораются огненной желтизной.

Инстинкт самосохранения требует умолчать о поцелуе, не то болтаться мне над полом до полной отключки сознания. Этот ревнивый Отелло способен и на убийство, судя по всему.

– Поздоровались сегодня в баре. Хотя вообще-то я шла на работу. Не подскажешь, случаем, куда запропастился мой офис?

– «Тотал» и есть твоя работа. Ты администратор в баре и смотритель лагеря в стае. И тебе придётся вернуться ко всем обязанностям, в том числе и ко мне.

– Это угроза? – подпираю бока кулаками.

– Это моё самое отчаянное желание, глупенькая, – Аш искромётно улыбается и набрасывается с объятиями.

Нельзя сказать, что мне приходится их вытерпеть. Он очень приятный. И тёплый, как обогреватель. Только внутри его близость не вызывает того же искромётного ощущения, что возникло утром. Блондин оставил после себя раздрай чувств от благоговения до трясущихся поджилок. А брюнета хочется держать на расстоянии.

Хотя нет, лгу. С его тигром я бы повстречалась ещё не раз. Всё-таки близость к столь огромному хищнику щекочет нервы. Да и внешне зверь меня впечатлил. Какие габариты, а!

– Эта женщина – не твоя семья. Она эрзац, подделка. А ты сейчас сама на себя не похожа, – шепчет мне на ухо Аш и медленно, будто с неохотой отстраняется. Заглядывает в глаза. – Спроси себя, что ты помнишь о своём детстве. Или о юношеской любви? А о друзьях?

С этими словами он наклоняется и целует меня... в щеку. Потому что в последнюю секунду я отворачиваюсь и прячу губы.

Аш хохочет и выметается восвояси, а я остаюсь осмысливать всё сказанное.

Детство?! Да я ведь только что припоминала, что бежала из отчего дома в подростковом возрасте. Разумеется, я отчётливо... ничего не помню. Ахах.

Глава 6

В которой Хренснег неохотно делится кусочком предыстории, затем позволяет себя искупать, а Лиля решает наведаться в бар «Тотал»

Когда ужин (или завтрак, ведь это мой первый приём пищи за сегодня) готов, накрываю на стол. Я специально заморочилась, чтобы задобрить Хреню.

Паста со сливочным соусом и два стейка смотрятся очень аппетитно. Надеюсь, я не передержала лисий кусок, и он остался с кровью.

Рядом с обеими тарелками кладу приборы и тканевые салфетки. Не хочется слушать упрёки из пасти рыжуньи. А если отнестись к ней со всем уважением, кто знает, быть может она разоткровенничается и сумеет заполнить все пробелы.

– Хренснег, не желаешь поужинать? – льстиво обращаюсь к лежебоке.

Она приоткрывает один глаз, пялится на меня с подозрением.

– Пахнет не очень.

– А ты попробуй! Я очень старалась.

С таким видом, будто делает мне вселенское одолжение, плутовка спрыгивает с дивана и шествует на кухню. Ловко забирается на стол, суёт нос в тарелку.

– Тебе бы не помешали курсы кулинарного мастерства. Внешне напоминает блевотину. Спагетти явно переваренные, от мяса смердит падалью. Криворукая ты, Лилька.

И тем не менее лиса набрасывается на еду. Чавкает, фырчит, клацает зубами – я терплю. В приступе подхалимства поддвигаю к пьянчужке стакан с виски и тремя кубиками льда.

Хреня в два заныривания расправляется с выпивкой и с удвоенным усердием принимается грызть мясо.

– Ну задавай уже свои вопросы, – милостиво разрешает, когда видит, что я снова наполняю ей чарку.

– Правда, что Аш покалечил меня из-за Кая? Точнее, из-за чувств к нему.

– Брехня. Он хотел прикончить самого Кая, а ты влезла в их разборки. Тупее ничего не придумала. Встать между двумя оборотнями в полнолуние! Ясное дело, они оба повыходили из себя. Перекинулись в зверей, а тут ты со своей миротворческой миссией.

– А причина ссоры тебе известна?

– Мне известно всё, милочка. Враждуют они по своей природе. Оба лидеры по натуре, оба альфы. Им тяжело ужиться, но Аш всегда готов идти на уступки. Только не в случае с тобой.

– То есть?

– То есть в вашем треугольнике сам чёрт ногу сломит. Ты с детства влюблена в Кая, дорогая моя идиотина. Таскалась

за ним хвостиком с малых лет. Ах, какой суровый, ах, как убудочно улыбаётся, ах, его волку надобно вынуть занозу из лапы... Тошнило меня от твоих вздохов. И не меня одну. Кай тебя тоже на дух не переносит. Слишком лёгкая ты для него добыча, к тому же прилипчивая.

Поэтому пару лет назад я посоветовала тебе сменить тактику. Найти себе парня, попытаться забыть Кая. Только ты и здесь пошла скользкой дорожкой. Взяла, да и спуталась с его братом!

– С кем?

– Кай и Аш – братья, хоть и двоюродные. Кузены, в общем. Ты ещё будешь? – Хреня с намёком смотрит на мой стейк и жестом требует повторить порцию алкоголя: щёлкает мохнатыми пальцами, даже щелчок получается весьма правдоподобным.

– Нет, угощайся на здоровье, – пододвигаю к ней свою тарелку и послушно наполняю стакан.

– От твоей стряпни только окочуриться можно раньше срока, но раз уж выбор невелик... Ладно, о чём бишь я?

– О том, что я любила одного брата и от безысходности водила шашни с другим. То-то мне показалось, что они смутно похожи!

– Они абсолютно разные, дурья твоя башка! И чем раньше ты это уяснишь, тем проще будет в дальнейшем. Кай – птица не твоего полёта. Он деспотичный, наглый, самовлюблённый подонок, который вполне может воспользоваться ситуацией

во второй раз, подманить тебя к себе, а после поиграется и вышвырнет.

– Выходит, ты меня спасла в ту ночь? Ну, когда эти двое сцепились, а я влезла между ними?

– Спасла? Бери выше, я тебя оживила и благополучно скрыла от этой парочки раздолбаев. Подсадила в чужую семью, наспех наклепала воспоминаний. Последние полгода ты жила по моему сценарию.

– Погоди-погоди, это что же получается... Аш меня убил? А ты воскресила? Но как?

– У фамильяров своя магия, – с достоинством отвечает Хреня. – А ты носила под сердцем другую жизнь. Мне удалось спасти тебя за счёт... Слушай, Лиль, это тухлый разговор. Ни к чему тебе знать подробности.

– А Аш знает?

– О ребёнке? Нет, вы оба не знали.

Да-а-а-а, дела. Остаётся только надеяться, что лиса не привирает для красочности.

Машинально глажу плоский живот и с тоской гляжу в окно. Никогда прежде не задумывалась над возможностью иметь детей, но сейчас вдруг испытываю чувство потери. Это был мой малыш, частичка меня, крошечное существо, что жило внутри...

– Теперь совсем непонятно, почему ты решила выдать меня Каю. После всего...

– Хе-хе, он бы и сам тебя нашёл. Так что я просто уберегла

шамана от его гнева.

– Зачем я ему?

– Для Аша, само собой. Только тебе подвластен его зверь.

– Да? Почему?

– Потому что всё оборотни – псы, в каких бы лютых хищников не обращались. Им нужна хозяйка, нужно ощущение принадлежности.

– Я и есть его хозяйка?

– А ты сама этого не поняла, пока вы тут не жились на кухне? Он готов дежурить у твоих ног и жрать из твоих рук. Или думаешь, оборотни в полнолуние устраивают вылазки забавы ради? Нет, они выгуливают своих зверей, чтобы держать их под контролем в остальное время.

– Тогда почему ты так противилась тому, чтобы Аш превратился в тигра?

– Ну ты и пустоголовая, Лилька! Да потому что разумнее всего для тебя – держаться от этой стрёмной компашки подальше. Они уже убили тебя единожды, как думаешь, сколько времени пройдёт, прежде чем всё повторится?!

Она противоречит сама себе! Вначале зовёт (нет, призывает) Аша в мою квартиру, подсказывает Каю, где меня отыскать, а потом наставляет держать дистанцию. Где тут зарыта логика, скажите на милость?!

– Ладно, – говорю примирительно, – твой совет я накрепко усвоила. Впредь буду обходить обоих пятой дорогой. Осталось только придумать что-то с работой. Не знаешь, слу-

чаем, как мне вернуться в свой офис?

– Забудь, – машет на меня лапой лиса. – Твоё место рядом со стаей.

– Ага, но при этом подальше от Кая с Ашем.

– Ловишь на лету, – хмыкает кумушка и принимается вылизывать тарелку из-под несъедобного ужина. Лицемерка.

– Роль администратора бара я приблизительно себе представляю, а что входит в обязанности смотрителя лагеря?

– Выбор места для вылазки, сбор хавки на всех. Оборотни прожорливы сами по себе, а в звериных шкурах тем паче. Опять же, надо оградить периметр от людей, чтобы те ненароком не наткнулись на суслика-переростка.

– Серьёзно? Кто-то в стае перекидывается в суслика? – у меня вырывается нелепый смешок.

– Насколько помню, в стае есть волки, рыси, росوماхи, ласки, куницы, коты, леопарды, горностаи, соболи, выдры, медведи и два небезызвестных тебе кретина, но суслик бы им не помешал. И хватит на сегодня. Сроду столько не молола языком, – лиса потягивается и зевает. – Я спать. Будь любезна не включать свет, когда закончишь тут с уборкой.

– Э-э, погоди! Ты снова намерена дрыхнуть в моей постели?

– Вообще-то я спасла тебе жизнь, неблагодарная!

– Вообще-то я об этом не помню, так что смело могу игнорировать этот факт. Кстати, не подскажешь, когда вернутся воспоминания?

– Хм, завтра. Или нет, послезавтра. Или никогда. Мне почём знать, дубина? Я никогда прежде не умирала.

К несчастью, я тоже. Да и спросить не у кого. Так что подхватываю лису со стола и волоку в ванную. От купания ей не отвертеться, не после того, как изгваздала своей едкой мочой половину прихожей.

Водные процедуры рыжунья переносит стоически, хотя с брюзжанием комментирует каждое моё действие. То вода слишком горячая, то напор недостаточный, а разок и вовсе возопила:

– Ай, полегче там! Хвост, к твоему сведению, важный придаток. Только попробуй с ним накосячить, и я прокляну тебя на три поколения вперёд. Помучаешься, когда окажется, что все носки у тебя с дырками, а чайник вскипает только когда ты спишь!

– Потерпи пару минут, – пытаюсь усмирить сквернословку, но та распыляется пуще прежнего.

– «Потерпи» – это, бля, фраза из уст всех садистов и домохозяек! Я не терплю – я внутренне сгораю от возмущения. Ты хоть понимаешь, что я вдвое старше твоей прабабки, и даже она не лезла мне под хвост с мылом?! А ты, убогая, вторгаешься в святая святых, как грёбаный террорист в посольство!

Вытираться ей тоже не нравится. Всё время бубнит:

– Да если бы я была человеком, я бы уже подала в суд за моральный ущерб и уничтожение культурного наследия!

«Пойдём искупаемся», ага, млять! Я поверила, а эта оглобля на всю катушку врубила гидропытку!

Хреня не упускает случая обляять меня, пока осторожно сушу её драгоценную шкурку феном.

— Ну чё, довольна? Теперь я выгляжу как игрушка из при- вокзального киоска? Прелестно.

Приходится выдать страдальце ещё одну порцию виска- ря. Спать в компании перегара всё же приятнее, чем вертеть- ся с боку на бок возле брехливой лисицы и до рассвета не сомкнуть глаз от мысли, что она непременно найдёт способ отомстить.

Гашу свет в спальне, плотно закрываю дверь и встаю у ра- ковины, чтобы помыть посуду.

Руки машинально перебирают тарелки, а в голове мысли отмечают Первомай. Перед глазами так и вспыхивает огня- ми вывеска бара «Тотал». Как-никак, это моё новое «старое» место работы. Вряд ли бары для оборотней закрываются к полуночи. Сейчас начало десятого, должно быть, самый раз- гар трудового дня. Так почему бы не окунуться с головой в «привычную» рутину?

Ни думать, ни мешкать себе не позволяю. Одеваюсь, вы- зываю такси и диктую известный адрес.

Снаружи оживление. На крыльце по меньшей мере с де- сяток человек. Грозного вида мужик в жилетке цвета хаки со множеством накладных карманов при моём приближении выплёвывает незажжённую сигарету и бросается наперерез.

– Лилька! Вот так встреча! – гремит он через всю улицу, подбегает и жулькает меня в медвежьих объятиях. – Воротилася, молодца!

Из дверей появляется тощая девица в бандане с черепом. Вздвигается на отмокту и с кошачьей грацией спрыгивает вниз, чтобы очутиться за спиной у мужика, что накинулся на меня с приветствиями.

– Лиля? – тоненьким голоском вопрошает она, выглядывая из-за плеча амбала.

Настороженность сменяется искренней радостью. Субтильная девчонка подсакивает и с пищащим воплем кидается мне на шею.

– Ах ты сучка моя ненаглядная! Куда запропастилась? В подвале бы тебя запереть за такие выходки! Мы тут места себе не находили, Аш рассорился даже со своей тенью. Эй, народ! – она сползает с моей шеи, прижимается к плечу и громко свистит, привлекая внимание стаи. – Ликуйте! Сплохенька вернулась!

Все лица разом обращаются ко мне. Кто-то салютует бутылкой пива, кто-то бьёт себя кулаком в грудь. Длинноволосый парнишка в обтягивающей белой майке прикладывает ко рту ладони рупором и издаёт натуральный волчий вой.

– Пойдём-пойдём внутрь! – тащит меня за руку хрупкое создание. – Аш тебя уже видел? Да точно видел! То-то сияет весь вечер гирляндой, ажно в глазах рябит. Фу-у-ух, наконец-то вздохнём с облегчением! Твой благоверный тут у

всех кровушки попил. Что ни день, то драка! А уж наш Акела чего вытворял...

Она не договаривает. Бросает меня посреди зала, с ловкостью заправской альпинистки взбирается на барную стойку и орёт в полную глотку:

– Лилька вернулась! Всем выпивки за мой счёт! Йе-еху-у!

Она делает сальто и мягко приземляется на ноги в паре сантиметров от меня. Сверкает улыбкой, сквозь которую проглядывают маленькие хищные зубки.

В баре настоящее столпотворение. Все столики заняты, а их не меньше двадцати, наверное. У бильярдного стола в глубине зала тоже не протолкнуться. Гомон стоит такой, что орущая из динамиков музыка кажется фоновой. И тем не менее это людское скопище на долю секунды замирает, и мне даже удаётся расслышать собственное сердце в этой тишине. А потом грохает нескладный хор аплодисментов.

Меня бьют по плечам, приобнимают, басят на ухо поздравления. Чьи-то руки кольцом обвиваются вокруг живота, и я слышу хриплое:

– Не надеялся, что ты сегодня заглянешь.

Я перехватываю обе клешни хама, резко разворачиваюсь и упираюсь носом в грудь Аша. Он и впрямь напоминает ряженую новогоднюю ель. Светло-карие глаза искрятся восторгом, а широченная улыбка морщит лицо.

Тигр притягивает меня ближе и склоняется для поцелуя, но я протестую. Не здесь, не под пристальным наблюдением,

и вообще мне следует блюсти дистанцию. Зря что ли Хреня меня спасала?

– Э-э, привет, – с боем отвоёвываю личное пространство. Аш с ухмылкой отстраняется, хотя и продолжает держать руки на моих боках. – Вот, заглянула посмотреть, как тут у вас.

– Так давай я проведу экскурсию? – мигом навязывается он в провожатые.

– А, может, как-нибудь...

– Пойдём!

Он уже волочёт меня куда-то, и с каждым шагом его рука на моей талии становится всё горячее, а моё упорство даёт слабину. Ничего ведь не случится, если я утолю небольшое любопытство?

Глава 7

В которой Лиле напоминают о должностных обязанностях, Кай показывает себя бессердечным ублюдком, а после зовёт Лилю на откровенный разговор

Знакомство с баром мы начинаем с той самой неприметной двери, за которой накануне скрылся Кай, так что я волей-неволей мандражирую. Отчего-то за каждым поворотом и во всяком громком звуке мне чудится тот блондин, и это нервирует.

Аш болтает без умолку. И держит меня за руку, словно собачонку на привязи.

– Баром это место называется для вида. На самом деле здесь, можно сказать, резиденция стаи. Наверху личные комнаты постоянных обитателей. Среди них я, Кай, Шерагул, Лира, Грайм, Нокс и Тэллок. Парочку гостевых спален держим пустыми, на случай, если кому-то из наших понадобится надёжный тыл.

А вот здесь был твой кабинет. Я уже распорядился, чтобы отсюда выволокли все вещи того шарлатана, который пытался тебя заменить.

Мы проходим в довольно просторную комнату с эркерным окном. Мебели нет, стены ободраны, паркет из сборной доски с узором под «ёлочку» поскрипывает под ногами.

И снова ни единого отголоска воспоминаний. Меня не оза-ряет, не кружит в вихре узнавания.

Аш надеялся на обратное. Он зорко следит за моими пе-ремещениями и разве что не подпрыгивает от нетерпения. А глазах полощутся транспаранты с немым вопросом: «Ну что? Ну как?»

– Прости, – виновато улыбаюсь и веду пальцами по шеро-ховатой стене с куцыми обрывками обоев, – совсем никак. Даже намёка нет на дежавю.

– А так? – он ловит мою руку в воздухе, переплетает наши ладони в замок и пристально всматривается в глаза. – Совсем меня не помнишь, Лиль?

Опять у него чехарда с глазами творится. Радужка ожива-ет, наливается позолотой и медленно кружит вдоль зрачка.

– Это твой тигр так рвётся наружу?

– Да, он тот ещё подкаблучник, – Аш улыбается и кладёт обе наши руки себе на грудь.

Мне приходится встать вплотную.

– Ты обещал познакомить меня с настоящей семьёй. Сде-лаешь?

Он кивает. Свободной рукой гладит меня по волосам, спускается к щеке и почти невесомо ведёт к шее. Щенячья улыбка сменяется восхищением.

– Для тебя, что угодно, Лилан. Что угодно, – повторяет чуть тише и склоняется с очевидной целью.

Я готова на этот эксперимент. Во многом благодаря его

гипнотическим глазам. Эти золотые вихри для меня сродни флейте Крысолова – не оставляют ни единого шанса на сопротивление.

И только мы соприкасаемся губами, как с порога доносится мужской голос:

– Любо-дорого блевануть. Вам уединиться больше негде? Морок развеивается.

В дверях стоит Кай с постной физиономией и взглядом «сдохни в конвульсиях» сверлит затылок Аша. Им же залепляет мне мысленную оплеуху.

– Ты, если уж явилась, могла бы и поработать. Хотя бы для виду. Я, знаешь ли, заебался в одиночку вывозить всё на себе.

Аш набирает полную грудь воздуха и неспешно поворачивается. Напряжением, которое сквозит по комнате, впору запитывать целые деревни. У меня все волоски на теле встают дыбом от осязаемой враждебности.

– Речь свою фильтруй, комдив. Она не помнит ни черта, какой с неё спрос?

- Не помнит, так вспомнит! Или выучит заново. Давай, девка, левой-правой и марш за мной. И приструни своего Громобоя, пока он не захаркал тут всё кровью.

– Кай! – Аш добавляет децибел в голос. – Никакая она не девка!

Рассказ лисицы начинает обретать смысл. Что бы не случилось в прошлом, с тех пор отношения между кузенами не

потеплели.

– А кто, мужик что ли? – насмешливо уточняет блондин.

И я чту за благо свалить от обоих. Выполнять роль щита больше не кажется мне соблазнительным досугом.

Протискиваюсь в коридор мимо подстрекателя, благо, двери тут достаточно широкие и мы не соприкасаемся ни единой ниткой на одежде, отхожу к дальней стене и, скрестив руки на груди, спрашиваю:

– Какие будут наставления?

– Топай за мной, – машет мне Кай и теряет всякий интерес к брату.

Ох, сколько всего вертится на языке. Помалкиваю лишь потому, что совсем не разобралась в природе оборотней, а явственного желания прищемить хвост волку и столкнуться с ним нос к носу пока не наблюдается. Но с этим хамством нужно что-то делать. Я не из тех, кто терпит унижение.

Нестройной процессией вваливаемся сначала в приёмную с длинным столом и дюжиной стульев, затем попадаем в директорский кабинет.

Симпатичный, к слову. Мебель из светлого ореха, массивное кожаное кресло цвета кофе с молоком, кадки с растениями, стеллажи с книгами – я бы не назвала кабинет безликим. Он аккуратный, просторный, чистый, однако Каю совсем не подходит. Блондин в чёрной безрукавке на молнии и такого же оттенка брюках карго с цепочкой на бедре и многочисленными накладными карманами уместнее смотрелся бы за

микшером диджейского пульта, а в не в окружении оргтехники.

Вожак обходит «Г»-образный стол, плюхается в кресло и зашвыривает ноги в белоснежных кроссовках прямо на бумаги. Я с изумлением пялюсь на его подошвы. Летает он по воздуху что ли? Ни единого пятнышка не могу разглядеть.

– Ты в секретарши метишь? – нагло интересуется Кай и смотрит поверх моей головы. – Тогда сгоняй за кофе. Чёрный, молотый, без сахара. Отфильтровать дважды.

– Кай, – угрожающе бычится Аш.

– Что? Ну что ты разнылся, как сучка?! Боишься, что я её вместе с джинсами сожру? Охота строить из себя телохранителя, подожди в приёмной. Дверь можешь оставить открытой.

– Лиль, – пробует тигр обратиться ко мне, и холерический блондин теряет терпение.

Бряцает кулачищем по столу и орёт:

– Я сказал, проваливай! Или до тебя лишь со второго раза доходят приказы?!

Аш в долгу не остаётся. Переходит на тот же громовой рёв, и я вдруг понимаю, что, закрыв глаза, не смогу отличить их по голосу. Внешне они как день и ночь. Аш темноволосый, улыбчивый симпатяга, к которому так и тянешься. Он располагает к себе с первого взгляда, а его тигр, пожалуй, самое умильное существо во всём белом свете. У меня до сих пор пальцы покалывает от фантомных прикосновений к

его шерсти.

Кай диаметрально другой. Он холодный, отталкивающий, грубый, притом как внешне, так и внутренне. Вся красота улетучивается, стоит ему открыть рот и начать измываться над собеседником. Бьюсь об заклад, его волк – преотвратное создание. Худосочная, плешивая псина с разодранным ухом и шрамами по всему телу.

– Твои приказы для меня – ноль без палочки, комдив! Посмеешь на неё хотя бы косо взглянуть, и я не посмотрю, что ты вожак...

– Всё-всё, застрашал, – Кай внезапно вскидывает руки вверх, признавая поражение. – Теперь дай просушить подштанники и покукуй в приёмной. Спасибо.

Последнее слово прозвучало наподобие адреса, куда обычно отправляют всех надоедливых типов. Аш нахохливается, сует плотно сжатые кулаки в карманы, чмокает меня в щёку и с предостережением:

– Я неподалёку, если что, – выходит из кабинета.

Кай бессовестно закатывает глаза, и я замечаю, что они у него мутно-голубые, как замёрзшие глубоководные озёра. Поправочка: *радиоактивные* замёрзшие глубоководные озёра. Или даже...

– Записывай, – Кай кидает на край стола небольшой чёрный блокнот с воткнутой в него ручкой, чем сбивает меня с мысли.

Поверить не могу, что целовала этого типа ещё утром. Ма-

нерам его тролли обучали или с рождения махнули на него рукой и заперли в самой тёмной пещере?

– Ты и навыв письма позабыла, девка?

– Отчего же, дядька?! Вполне могу использовать ручку по назначению: например, чтобы засадить тебе её в глаз.

Он ухмыляется.

– Тогда запоминай. В твои обязанности входит работа с поставщиками. В основном мы закупаем продукты и алкоголь, но случаются разовые контракты с подгонялами спортивного инвентаря: спальники, палатки и всякая мелочёвка, которая постоянно выходит из строя. В процессе втянешься, так что для начала разберись с этим.

Он мыском кроссовка подталкивает ко мне толстенную папку листов эдак на пятьсот и вещает дальше.

– Все коммунальные услуги тоже на тебе. Раз в месяц собираешь все квитанции, оплачиваешь и что-то там колдуешь с чеками. Я не вдавался раньше в подробности, а после твоего исчезновения руки так и не дошли. – Ко мне снова пододвигается скоросшиватель для бумаг. – Клинингом, стиркой, готовкой и баром занимаются специально нанятые люди. В твои обязанности входит следить за тем, чтобы всё делалось на совесть. Халтурщиков за шкурку приводишь ко мне, будем разбираться вместе. Запомни моё любимое правило: «Я не начальник, я – закон». Для твоего же блага сразу принять эту аксиому на веру. Я плачу людям нехилые бабки, тебе в том числе, поэтому и спрашиваю за них по всей строгости.

Тут он вдруг выпрямляется, убирает ноги со стола и почти человеческим голосом спрашивает:

– Ты как вообще? Въехала во всё происходящее?

– Всего за один день из офисного работника средней руки я переквалифицировалась в... экономку. Так что нет, вряд ли въехала. Завтра с утра отчаянно буду надеяться, что сегодняшний день мне привиделся в кошмарном сне.

Кай хмыкает:

– Ты не экономка, девка, а моя правая рука. Была ей до... инцидента. И я хотел бы снова видеть тебя в этом амплуа. Потому что ты отлично справлялась. Изучи бумаги, завтра обсудим обязанности смотрителя лагеря. Полнолуние всего через неделю. Нам придётся попотеть, чтобы и эта вылазка не накрылась пизд... медным тазом, – он замолкает, наблюдает за тем, как я сгребаю папки, и вопит во всё горло. – Так достаточно вежливо, братец?

– Для тебя почти высший пилотаж. Осталось запомнить её имя, – кричит в ответ Аш.

– Я его помню, – бурчит себе под нос вожак и выходит из-за стола, чтобы проводить меня к двери.

На середине комнаты Кай ровняется со мной, и я отчётливо ощущаю на заднице его руку. Вздрагиваю, оборачиваюсь, но он уже выходит из кабинета. Белоснежные волосы подпрыгивают в такт пружинистым шагам.

– Тебе следовало напомнить этой скотине, что крепостное право на Руси отменили во второй половине девятнадцатого

века, – со смешком подмечает Аш, глядя на макулатуру у меня в руках.

Я поддерживаю его веселье, но уже дома снова вспоминаю об этом мимолётном касании, которое воспламенило меня ничуть не меньше обгладывающего поцелуя.

Вздыхаю. Зарок, данный самой себе, кажется невыполнимым. Меня как магнитом тянет к этой тестостероновой парочке. Тем более, что перед сном нахожу в кармане джинсов записку – она попросту вываливается, когда вешаю штаны на стул.

На простом тетрадном листе в клетку всего несколько слов:

«Есть разговор с глазу на глаз, оставь своего полосатого котика дома. К.»

Почерк напоминает кардиограмму. Буквы узкие, резкие, строчные отличаются от прописных почти вдвое.

Получается, Кай не лапал меня за задницу, он просто запихивал в мой задний карман записку. Почему этот факт вызывает у меня разочарование? Мы ведь условились с мозгом, что он убудочная ледышка, на котором не стоит заострять внимание! А так хочется...

Глава 8

В которой разговор с Каем превращается в неразбериху эмоций

Ночь переносу с огромным трудом. И отнюдь не лисье посапывание мешает мне заснуть. Кай пригласил меня на личный разговор. Вдвоём. Наедине.

Кажется, будто эти слова ртутью начертаны на потолке. А ещё там целая панорама развёрнута. Вот он стремительно шагает ко мне в баре, хватает за лицо, склоняется и так смачно целует, что подгибаются колени.

Воображение дополняет мираж очень волнующим продолжением. Например, я отчётливо вижу, как прикасаюсь к его рукам, вожу ладонями по запястьям, поднимаюсь к локтям, а за ними, м-м-м, такие бугристые предплечья. И эти белёсые патлы, в которые так и тянет запустить пальцы.

Вот зачем, спрашивается, мужику такие волосы? Мой их через день, причёсывай. Любопытно узнать, в мои обязанности раньше не входило заботиться о его шевелюре? Если да, так я с радостью...

О-о-о-о-ох, по всей видимости, я безнадёжно им больна. Лисица ничуть не сгустила краски.

Это что же получается? Аш увивается за мной, я фанатично дышу в сторону Кая, а последнему начхать на всех с

высокой колокольни? Чудесно. У нашего треугольника острая вершина и два клинически тупых угла – здравствуй, новая жизнь!

Переворачиваюсь на другой бок, прижимаю к груди подушку и пробую обдумать обещание Аша. Он сказал, что заедет за мной после обеда и отвезёт к семье. Настоящей, нормальной, к людям, которые меня искренне любят.

Жаль, не успела расспросить о них подробнее. Понятия не имею, есть ли у меня братья или сёстры, живы ли бабушки, чем занимаются родители.

Глаза медленно и неотвратимо слипаются, а когда открываю их, на часах уже полдень. Срань господня! Это же надо так разоспаться!

Подогреваю для лисы вчерашний стейк, чисто механически ставлю блюдо на пол и бегу в прихожую. Одеваюсь по солдатским нормативам, даже отражением в зеркале не интересуюсь, а зря.

В баре властвует тишина, только всё тот же мальчишка в наушниках сквернословит и натирает посуду до блеска. Вчера мы так и не познакомились, поэтому исправляю оплошность.

– Привет, чувак! Пускай запоздало, но всё же спрошу: тебя как звать?

– О, Лилька, какие люди без наматрасника! – парнишка ухохатывается над собственной шуткой, потом берёт себя в руки и с серьёзным видом заявляет. – Я Моргат, но лучше

просто Мор или Соболь.

– Соболь, потому что...

– Да, угадала. Перекидываюсь в соболя. Уже целых два месяца, – подмечает он с гордостью.

– Поздравляю, – осторожно говорю я, не совсем понимая смысл фразы. – Слушай, будь другом, плесни мне кофейку. Один со сливками и ложкой сахара, а другой... – припоминаю, что там верещал вчера биг босс, – а другой чёрный, молотый, без сахара, отфильтровать дважды.

– Ха, к шефу подластиться решила? – мигом просчитывает мою задумку Мор. – Я б на твоём месте раньше шести вечера к нему не совался. Он здорово накидался под утро, полез разнимать драку между Шерагулом и Граймом. Парни просто дурачились, а он на них всех собак спустил.

Мне бы прислушаться к его советам, да только ночные потолочные панорамы подталкивают в спину. Так что поднимаюсь на второй этаж в поисках приключений. А там меня ждёт гостиничный коридор и неразбериха абсолютно одинаковых с виду дверей.

Беспокоить кого-то из постояльцев не хочется, к тому же только сейчас до меня доходит, что Аш тоже живёт на этом этаже.

Н-да, ситуёвина. Хотела провернуть шпионскую операцию, а вляпалась по самые не балуясь в нежданчик. Ладно, была не была.

Скребусь в первую попавшуюся дверь и готовлюсь с ми-

ленькой улыбочкой уточнить, не подскажут ли, где мне найти своего полосатика.

Слова застревают в горле, потому что открывает сам Кай. В одних трусах, с головой, обмотанной окровавленным полотенцем. Смазливая физиономия распухла, глаза превратились в щёлочки. Он чуть покачивается, наваливается плечом на косяк, цедит:

– А те какого хрена? Пшла, – и норовит закрыть дверь.

Однако вместо этого хватает меня за грудки и втаскивает в свою спальню.

Перегар лисицы в сравнении с душманом Кая – ну чисто аромат от Пако Рабан. От блондина не просто фонит алкоголем, чудится, будто он искупался в бочке с самым дешёвым пойлом. Он приваливается рядом со мной к стене и рассерженно пыхтит.

– Так зачем явилась, девка?

Смотрит куда-то поверх моей макушки. А во мне срабатывает древний инстинкт всеблагой матери-заступницы. Или врачевательницы. А то и попросту идиотки.

– Дай глянуть, – берусь рукой за полотенце у него на голове и морщусь.

Чуть выше лба у корней волос красуется кровавая рана. На вид несерьёзная, только кровь сочится безостановочно.

– Перекись у тебя есть?

Он дёргано машет рукой куда-то вглубь комнаты.

– Медвед-сестра приходил, приволок что-то. Да хер с ней.

На мне всё заживает, как на собаке, – и ржёт аки обожравшаяся хмеля полковая лошадь. – Не впервой.

– Ни грамма не сомневаюсь. С твоим-то милейшим характером. Пойдём, гроза сусликов, залечу твои пробоины.

Ставлю ячейку с двумя стаканами кофе на ближайший столик, кое-как подлезаю под еле стоящую на ногах полураздетую тушу, обхватываю его за талию и волоку к кровати. Кай не слишком торопится помогать. Обрушивается на меня всей своей молодецкой тяжестью, и мы плетёмся со скоростью беременной улитки. Он ещё и в затылок мне пыхтит, выражая пьяное недовольство. Бормочет что-то, ругается.

Падаем в разобранную кровать почти синхронно. Я пытаюсь спихнуть неподъёмную ношу, а шеф протестует и за чем-то тянет меня за собой.

В итоге он оказывается на спине, а меня расплющивает у себя на груди.

– Всё или ещё повоюем? – спрашиваю, задыхаясь, пробую подняться, но Кай вжимает меня в себя обеими ручищами.

– Ты из-за записки, да?

– Нет, с пожеланием доброго утра! При виде тебя так и подмывает быть вежливой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.